

НАША СТРАНА

Год издания — 41-ой. Буэнос Айрес, суббота 25 февраля 1989

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 25 de febrero de 1989

Nº 2012

ВЛ. СОЛОУХИН

ПОЧЕМУ Я НЕ ПОДПИСАЛСЯ ПОД ТЕМ ПИСЬМОМ

Некоторое время тому назад я получил письмо от инициативной группы добровольного общества «Мемориал». Целью общества провозглашалось увековечение памяти жертв незаконных и необоснованных репрессий середины тридцатых годов. Мне предлагали поставить свою подпись под соответствующим письмом в ЦК КПСС. Сообщалось при этом, что многие подписи уже собраны. Я этого письма не подписал, и это выглядит, можно сказать, чудовищно, поэтому я решил теперь объяснить и обосновать свою позицию, хотя бы для самого себя.

Тогда, отказываясь от подписи, я задал представителям инициативной группы один единственный вопрос, на который не получил ответа. Я спросил: «Начиная с какого года репрессии нужно считать незаконными и необоснованными, а до какого года их можно считать и законными и обоснованными?»

Впрочем, словечко «незаконные» вскоре как-то незаметно ушло из обихода. Осталось только слово «необоснованные». А потом выпало и это слово. Так, в информации об избрании общественного совета, который будет руководить созданием и работой «Мемориала», говорится уже предельно кратко: «Мемориал жертвам сталинских репрессий», без дополнительных уточнений и эпитетов.

«В совет вошли известные писатели, историки, общественные деятели: А. Адамович, Ю. Афанасьев, Г. Ба-кланов, В. Быков, Е. Евтушенко, Б. Ельцин, Ю. Корякин, В. Коротич, Д. Лихачев, Р. Медведев, Б. Окуджава, Л. Разгон, А. Рыбаков, А. Сахаров, А. Солженицын*, М. Ульянов. М. Шатов».

Прочитав эту информацию в газете «Московские новости», несмотря на авторитетный, и в некотором роде уникальный, состав совета, я ощутил в себе некий внутренний протест.

Представим себе инициативную группу, которая ратовала бы за памятник жертвам Великой Отечественной войны, павшим в 1944 году. Допустим, что у инициаторов в этот год погибли близкие родственники и вот они ратуют за памятник жертвам войны 1944 года.

— Позвольте, — спросит любой здравомыслящий человек, — а как же 1943 год? 1942-й? Наконец, 1941-й? Павшие в эти годы, значит, не подлежат увековечению? Или, может быть павших в эти годы вовсе и не было?

Да, заглядывать в двадцатые, равно как в 1918 и 1919 годы, страшно и трудно. Трудно еще и потому, что если от сталинских репрессий

остались хоть какие-нибудь следы, в виде протоколов допросов, пусть сфальсифицированных и вымученных, в виде стенограмм судебных процессов, пусть ссрабикованных, зафиксированных на бумаге приговоров, то от предыдущих лет и десятилетий не осталось ни документов, ни имен, ни списков, ни даже хотя бы количества истребленных людей. Путем математических, демографических вычислений приходят к цифре в 15-17 миллионов (без коллективизации и голода 1933 года), но увы, подтвердить эти цифры теперь никак невозможно. (Кстати сказать, а почему в эти наши дни гласности не объявить людям, сколько же человек в конце концов было расстреляно в насквозь продокументированном 1937 году?)

Документаций нет, архивов нет. От 20-х годов остались только куцые разрозненные свидетельства, которые можно выловить из литературных источников. Писать об этом было нельзя, говорить об этом было нельзя, но все же «этого» было так много, что кое-что чудом осталось. Это «кое-что» хоть и не может служить юридическим документом, но человеческим документом служить может.

Например, широко известен эпизод ссоры поэта Осипа Мандельштама с крупным чекистом Блюмкиным. Он описан во многих мемуарах, в том числе (правда, в смягченном виде) и в воспоминаниях Надежды Яковлевны Мандельштам к которым мы еще будем обращаться.

Во время какой-то пирушки Блюмкин и Мандельштам оказались в одной компании. Сильно подвыпивший Блюмкин начал хвастаться: «Интеллигенция? Культура? Вот она где вся ваша интеллигенция!» С этими словами он достал из кармана пачку ордеров на расстрел, заранее подписанных высшим начальством, но еще без фамилий, из другого кармана достал список людей, сидевших на Лубянке, и начал на глазах у всех ордера заполнять. Поэт не выдержал этого зрелища, бросился на чекиста, выхватил ордера у него из рук, скомкал или даже порвал.

Когда однажды, во время встречи с читателями, я пересказал этот эпизод, пытаясь доказать, что законности и обоснованности в деятельности Блюмкина было ничуть не больше, чем в каком-нибудь террористическом эпизоде из 30-х годов, пристрастный девичий голосок из публики крикнул: «Но ведь это же были враги!» Ничего не стоило, выдержав паузу, спросить у крикнувшей:

— А вы разве видели эти списки? Разве вы знаете кто там был?

В этом выкрике, если хотите, вся суть репрессий. Достаточно сказать «враги» — и можно истреблять миллионами. Велика ли разница, что в одном случае к слову «враги» добав-

лено словечко «революции», а в другом случае «народа». В воспоминаниях Н. Я. Мандельштам читаем: «Смешно подходить к нашей эпохе с точки зрения римского права или наполеоновского кодекса и тому подобных установлений правовой мысли... Людей снимали пластами, по категориям (возраст тоже принимался во внимание). Церковники, мистики, ученые идеалисты, мыслители, люди, обладавшие правовыми государственными или экономическими идеями... Люди искореняющей профессии придумали поговорку: «Был бы человек — дело найдется». Впервые мы ее услышали в Ялте (1928 г.) от Фурманова, брата писателя. Бывший чекист, через жену еще связанный с этим учреждением, он кое-что в этом понимал».

Надежда Яковлевна перечислила не все пласты. Гимназисты и гимназистки, а тем более преподаватели и директора гимназий, земцы и землемеры, купечество и дворянство, управляющие домами, банками, железными дорогами, адвокаты и профессора университетов, капитаны речных пароходов и владельцы тракторов, интеллигенция вообще, верхний слой общества вообще...

Надежда Яковлевна продолжает свои рассуждения. «Мальчишки, делавшие в те дни историю, отличались мальчишеской жестокостью... Почему именно молодых легче всего превратить в убийц? Почему молодость с таким преступным легкомыслием относится к человеческой жизни? Это особенно заметно в роковые эпохи, когда льется кровь и убийство становится бытовым явлением. Нас науськивали, как собак, на людей, и свора с бессмысленным визгом лизала руки охотнику. Антропологическая психика распространялась как зараза. В Киеве, в мастерской Экстер (антропологическая — людоедство, каннибализм. — В. С.) какой-то заезжий гость, не то Рашаль, не то Черняк, прочел частушки Маяковского о том, как топят в Мойке офицеров. Бодрые стишки подействовали, и я рассмеялась...»

«Многие до сих пор спрашивают меня, почему О. М. это сделал (бросился на Блюмкина. — В. С.), когда расстреливали направо и налево».

«Мы сошлись с О. М. первого мая 1919 года, и он рассказал мне, что на убийство Урицкого большевики ответили «гекатомбой трупов». Мы расстрелялись 1 мая 1938 года, когда его увели, подталкивая в спину, два солдата».

Поясним, для тех кто забыл, что гекатомбы — это древнегреческие жертвоприношения сразу из ста быков. В переносном смысле гекатомбы — это огромные жертвы войны, террора. Ну а попросту — бойня.

Итак, на смерть Урицкого ответили бойней. Убийство Урицкого —

террористический акт. Ну, сколько человек участвовало в террористическом акте? Не десятки же тысяч, превратившиеся в горы трупов?

Так что же, убийство этих десятков тысяч было делом законным и обоснованным? Из случайного совпадения дат — 1 мая 1919 года и 1 мая 1938 года — Надежда Яковлевна сделала трезвый и объективный вывод: разве думали мы, отменяя в России всякую законность, что через 20 лет это обернется против нас самих?

Надежда Яковлевна продолжает свидетельствовать из Киева: «Мы увидели в окно телегу, полную раздетых трупов. Они были небрежно покрыты рогожей, и со всех сторон торчали части мертвых тел. Чека помещалась в нашем районе, и трупы через центр вывозились, вероятно, за город. Мне сказали, что там был сделан желоб, чтобы стекала кровь — техника была еще наивной» (Надежда Мандельштам. «Вторая книга», стр. 26).

Перекинемся из Киева в Одессу и прочитаем свидетельство ни больше ни меньше как Ивана Алексеевича Бунина. «Кстати об одесской чрезвычайке. Там теперь новая манера пристреливать — над клозетной чашкой». (Ив. Бунин. «Окаянные дни». Изд. «Заря», Лондон, 1977, с. 94). Значит, унитаза вместо желоба. Удобнее и гигиеничнее. Выстрел. Подержали голову над чашкой клозета, спустили воду. Следующий! И что же это все — в рамках законности и обоснованности?

После Бунина берем в свидетели замечательного и прославленного писателя, гуманиста и демократа, Владимира Галактионовича Короленко.

Мы иногда думаем и гадаем, как относились бы к событиям 20-х годов (и двух предыдущих лет) ну, скажем, Толстой, Чехов, Герцен, Некрасов, Достоевский... Не знаем. Но вот — Короленко. В эти годы он оказался в своей родной Полтаве вблизи Миргорода, Сорочинцев, вблизи Диканьки. Что может быть мирнее, идилличнее этих мест?

В 1920 году к Короленко приезжает Луначарский. Скорее всего узнать, прошупать, чем дышит славный и популярный писатель, страдалец за правду народную. Чтобы узнать об этом подробнее и документировано, Луначарский уговорил Короленко написать ему письма с твердым обещанием эти письма опубликовать. О Короленко он потом выразился так: «Эти «праведники» в ужасе от того, что наши руки обагрены кровью». Ни одно письмо опубликовано не было. Вместо этого к Короленко приехала из Москвы группа врачей «лечить простуду», и в 1921 году Владимира Галактионовича не стало.

Но письма его не пропали. Они

* Как стало известно позднее, А. Солженицын согласился войти в этот совет не давал. (Ред.)

были изданы в 1922 году в Париже, и эта книжница есть в Ленинской библиотеке, в «спецхране». (Когда писалась эта статья, письма Короленко не были еще опубликованы «Новым миром», 1988, # 10). Выпишем оттуда несколько отрывков.

«Кошмарный эпизод с расстрелами во время вашего приезда как будто лег между нами такой преградой, что я не могу говорить ни о чем».

«Однажды один из членов Всеукраинской ЧК, встретив меня в Полтавской Чрезвычайной Комиссии, куда я часто приходил и тогда с разными ходатайствами, спросил меня о впечатлениях. Я ответил: если бы при царской власти окружные жандармские управления получили право... казнить смертью, то это было бы то самое, что мы видим теперь. На это мой собеседник ответил:

— Но это же для блага народа».

«На улице чекисты расстреляли нескольких так называемых «контрреволюционеров». Их уже вели темной ночью на кладбище, где тогда ставили расстреливаемых над открытой могилой и расстреливали в затылок без дальних церемоний. Может быть, они действительно пытались бежать (не мудрено), и их пристреливали тут же на улице... Как бы то ни было, народ, съезжавшийся утром на базар, видел еще лужи крови, которую лизали собаки...»

«Мне горько думать, что и вы, Анатолий Васильевич, вместо призыва к отрезвлению, напоминания и справедливости, бережного отношения к человеческой жизни, которая стала теперь так дешева, в своей речи высказали солидарность с этими «административными расстрелами».

«Бессудные расстрелы происходят у нас десятками».

В одно из писем Луначарскому Короленко вставил свое письмо в Миргородскую Чека.

«Товарищ Поройко, я получил от вас любезный ответ на свое письмо... Благодарю вас за эту любезность по отношению ко мне лично, но я узнал, что 9 человек расстреляны уже накануне, в том числе одна девушка 17 лет и еще двое малолетних. Теперь мне известно, что Чрезвычайная Комиссия «судит» и других миргородчан и опять является возможность бессудных казней...»

Товарищ Петровский дал телеграмму в Полтаву не приводить приговор над малолетней в исполнение, и Пищалка, как говорят, отправлена в Харьков. Но так как «отправить в Харьков» — это формула, которая у нас равносильна «отправить на тот свет» (так отвечают в справочном бюро родным о расстрелянных), то судьба Пищалки остается мрачно сомнительной».

Конечно, демократ, гуманист и правдоискатель не мог спокойно смотреть на происходящее, но и сделать ничего не мог. Ну, заступился за девочку по фамилии Пищалка, может быть, даже ее он спас от расстрела, но что одна Пищалка, когда не во всех ли бесчисленных городах огромного государства творилось то же самое? Не осталось вот только документации, и свидетелей теперь уж не осталось.

Еще один литературный источник — замечательная повесть Валентина Катаева «Уже написан Вертер». Повествование ведется от первого лица. Героя повести, одесского юношу, схватила ЧК. Его ведут на допрос. (Скажем, забегая вперед, что и его должны были расстрелять, но в последний момент заставили отойти в сторону. За него успела хлопотать перед крупным чекистом мать, и он остался жив. Он остался сви-

детелем. А если бы хлопнули вместе со всеми, не было бы свидетеля, как это и получилось во всех остальных случаях. Кстати не было бы у нас и писателя Вал. Катаева).

Итак, его ведут на допрос. «Послышались шаги. На площадку шестого этажа вышла девушка в гимназическом платье, но без передника, красавица... Породистый подбородок дерзко вздернут и побелел от молчаливого презрения, шея оголена. Обычный кружевной воротничек и кружевные оборочки на рукавах отсутствуют... Сзади комиссар с наганом, копия его комиссара. В обоих нечто троцкое, чернокожанное... Один вел свою с допроса вниз, другой своего на допрос вверх... Ее щеки горели. Точеный носик посветлел, как слоновая кость. Знаменитая Венгржановская. Самая красивая гимназистка в городе. Именно с ней он когда-то танцевал хивату... Она была участницей польско-английского заговора. Они решили поднять восстание, захватить город и, перебив комиссаров и коммунистов, передать его великой Польше «от моря до моря»...

Теперь их всех, конечно, уничтожат. Может быть, даже сегодня ночью вместе с ним. Наберется человек двадцать, и хватит для одного списка... работы на час.

Говорят, что при этом не отделяют мужчин от женщин. По списку. Но перед этим они все должны раздеться донага. Как родился, так и уйдет.

Неужели Венгржановская тоже разденется на глазах у всех?..

... Следователь оставался в тени. Молодое неразборчивое лицо. Юноша носатый. Лошадиные глаза. На громадном письменном столе возле локтя «кольт», источающий запах смазки. Шикарный кабинет с кожаной мебелью. Может быть, здесь недавно жил какой-нибудь адвокат, коллега отца... Но еще страшнее было полотнище кумача с лозунгом «Смерть контрреволюции!» Это знамя он уже видел на первомайской демонстрации. Его несли во главе колонны сотрудников Губчека. На стене под знаменем висел знакомый портрет: пенсне без оправы, винтики, невидящий глаз, обещающих смерть, и только смерть...

... В коридор полуподвала ворвался топот многих ног. Одна за другой открываются двери камер. Приближается голос, произносящий фамилии знакомые и незнакомые — по списку.

— Прокудин, фон Дидерикс, Сикорский, Николаев, Ралли, Венгржа-

новская, Омельченко. Пронесет или не пронесет? Не пронесло. Шелкнул замок. В щели полукруглой двери тускло блеснула кожаная куртка. Наплечные ремни. Кубанка. Ручной электрический фонарик. Зайчик света побежал по листу бумаги с треугольной печатью.

— Из камеры с вещами. Карабазов, Войнитский, Ничепоренко, Вигланд, Венгржановский...

... Время перестало существовать, так как вокруг чернела ночь, пахло петунией, и все они сидели в открытой беседке недалеко от гаража, где уже заводили мотор грузовика. (Это чтобы заглушить выстрелы. — В. С.).

Два первых уже исчезли. Их вещи кучей лежали на газоне. Сткнуло два выстрела, тупо поглощенных кирпичной стеной... За полукрытыми воротами гаража проводилась странная работа...

... Под голой электрической лампочкой слабого накала, на клумбе петуний и ночной красавицы, недалеко от кучи снятой одежды стоял Наум Бесстрашный, отставив ногу в шевровом сапоге, и ему представлялось, что он огнем и мечом утверждает всемирную революцию...

Но тут Наума Бесстрашного посетило видение, как бы вещей сон сквозь явь. Он как бы пронесся «... мимо черной скульптуры и чаши итальянского фонтана на Лубянской площади и понял, что уже никакая сила в мире его не спасет, и он бросился на колени перед незнакомыми людьми, которые уже держали в руках оружие. Он хватал их за руки, пахнувшие ружейным маслом (а как же кличка — Бесстрашный? — В. С.), он целовал слюнявым разинутым ртом сапоги, до глянца начищенные обувным кремом.

Но все было бесполезно, потому что его взяли с поличным на границе с письмом, которое он вез от изгнанного Троцкого к Радеку... Его втокнули в подвал лицом к кирпичной стене. Посыпалась красная пыль, и он перестал существовать...»

При прочтении этих строк может возникнуть множество разных чувств. Во-первых, бросается в глаза разница в поведении на расстреле юной красавицы-гимназистки, с гордо поднятой головой и ее убийцы, лижущего слюнявым ртом сапоги. В этом конкретном случае может даже шевельнуться чувство, похожее на возмездие. Но хотелось обратить внимание на другое. Не веет ли на нас чем-то знакомым от сформулиро-

ванного обвинения юной гимназистке: «Польско-английский заговор с целью захватить Одессу и передать ее великой Польше «от моря до моря»? Разве это не такой же вздор, как и обвинения 30-х годов, когда советские командармы, комкоры и комбриги оказывались то японскими шпионами, то заговорщиками с целью захватить, ликвидировать, уничтожить? Формулировки начала 20-х и середины 30-х годов оказываются до удивления похожими.

А теперь вернемся к «Мемориалу». Ведь в воздвигнутом мемориале хоть одним камешком — хотим мы этого или не хотим — окажется увековеченной и память о Н. Бесстрашном, поскольку он был расстрелян в тридцатые годы, при Сталине, но в мемориале не отыщется и тени памяти прекрасной гимназистке, застреленной Н. Бесстрашным. Дело не только в Венгржановской, ведь она была не одна. Как правильно написала Н. Я. Мандельштам, людей снимали пластами, по категориям. И как быть с памятью о тех, чья кровь стекла по желобу? Как быть с памятью о тех, чью кровь смывали, спуская воду в клозете? Как быть с памятью о тех, чью кровь лизали собаки на улицах Миргорода? Не забудем, что в каждом без исключения городе огромного государства шли, как их называл Короленко, бессудные, административные расстрелы.

А как быть с жертвами 1929 года, когда ни в чем не повинных крестьян миллионами выбрасывали в тундру на голодную, холодную смерть? Как быть с десятью миллионами жертв 1933 года, когда на Украине, на Кубани и на Волге родители ели своих детей, ибо там был инспирирован голод?

Новый мемориал собираются «привязать» к т. н. дому на набережной. Но куда, к какой географической точке привязать, если бы хотели воздвигнуть, мемориал мученикам Украины, Кубани и Поволжья, Сибири и русского Севера, скотоводам Казахстана и Киргизии, садоводам Таджикистана, труженикам-узбекам, кавказским народам, белорусам, крестьянам коренных российских губерний?.. Ни к какой географической точке, ни к какому «Дому на набережной» такого мемориала не привяжешь. Вся наша земля для них единый мемориал. Будем ли стыдливо умолкать при упоминании о незаконном и зверском истреблении царской семьи: четырех девочек, мальчика, женщин; постараемся ли забыть декрет «о расказачивании России», в котором предписывалось Частям Особого Назначения поголовное истребление казачества с детьми и женщинами, и который (декрет) унес больше миллиона казачьих жизней; есть данные, что в России до революции было 360.000 священнослужителей, а к концу 1919 года их осталось 40.000. Забудем об этом? Или сделаем вид, что ничего этого не было? Или будем в каждом отдельном случае воздвигать отдельный мемориал?

Я не подписал тогда «мемориального» письма не потому, что считаю жертвы сталинских репрессий недостойными увековечения, но потому что, увековечив их, мы тем самым навсегда отбрасываем в тень забвения все остальные жертвы, а они в сотни и тысячи раз многочисленнее и кровавее. Из чего же мы исходим, создавая мемориал, из качества, что ли, жертв? Справедливо ли это и — не побоюсь сказать — нравственно ли?

ВЛ. СОЛОУХИН
«Наш Современник»,
12, 1988.

Трибуна Читателя

ПОПРАВКИ

Прошу сделать следующие поправки к моим заметкам "Печать" в # 2007-ом:

В заметке "Обнаглели" надо читать не *в телесах*, а *та телесах*. В заметке "Зоологические бредни" выпало уточнение о рецензии А. Лишке, что оно — на фильм "L'ours" ("Медведь") с успехом идущий сейчас в парижских кинематографах. Вместо *la gerre*, надо читать *la guerre*; вместо *"Дом Писателя"* надо читать *"Дом Писателей"*.

Из списка романов Кэрвуда, по непонятным для меня причинам, исключены "Бродяги Севера" (одна из его самых удачных и популярных вещей!), "Долина Молчаливых Призраков" и "Скованные льдом сердца".

В. Р. (Франция)

ТРИ ГРУППЫ

Зарубежная пресса на русском языке затоплена ныне яростными нападениями на "Память", и на все вообще проявления русского патриотизма и выражения национального возрождения, идущего активно в СССР.

Частично эта традиция исходит от евреев, и тут ее можно бы разделить на две категории. Есть павиные люди, которые боятся — безо всяких к тому оснований — каких-нибудь преследований на их единоплеменников. Им бы, конечно, следовало разьяснить правду, а к их страхам относиться снисходительно.

Другая группа состоит из еврейских же демагогов, которые чувствуют, что от них ускользнул патент (присвоенный было ими вполне незаконно) на возглавление всякой оппозиции советскому режиму; а сей патент им был очень пужен и выгоден, создавая им привилегированное положение на Западе. К ним, по-настоящему, большой симпатии питать у нас нет оснований.

Но что сказать о русских журналах и газетах, занимающихся теперь тем же самым, а еще в недавнем прошлом спекулировавших словами *национальная Россия* и даже ссылками на Белое Движение? Чем их поведение можно объяснить?

Ну да и тут ларчик открывается просто. Если им вообще и имеет смысл поставить вопрос, то только следующий, согласно старой уже формуле:

Ты скажи мне, гадина,
Сколько тебе дадено?

Геннадий Криваго (Италия)

БИБЛИОГРАФИЯ

С. Аллилуева. "Далекая музыка" (Нью Йорк, 1988).

Читатель будет разочарован, не найдя здесь рассказа о сенсационной репатриации дочери Сталина в Советский Союз и ее возврата в свободный мир: книга заканчивается на 1983 году, когда Светлана Иосифовна пребывала в Англии. Содержащиеся здесь, в частности в предисловии, размышления оставляют тяжелое впечатление. Не слишком умная женщина, при том же, по ее собственному признанию, не интересующаяся политикой и ничего в ней не понимающая, не стесняется нас всех поучать и настаивать в самом безапелляционном тоне.

Соглашаться с нею никак невозможно. Она желает мира и соглашения между СССР и США и увековечивания навсегда status quo. То есть закрепления у нас на родине советского режима. А с этим мы, антикоммунисты, никогда не примиримся! Независимо от того, можем ли мы что-либо сделать (а факты-таки показывают, что можем!) мы в душе всегда останемся против. Сомнительно и одобрение, с коим она повторяет фразу какого-то американского политического деятеля: "Благословенна жизнь маленькой скандинавской страны!" Мы знаем, что Дания и Швеция являются мировыми центрами порнографии, поставщиками эротических фильмов и базами для всеобщего разврата. Соответственно, Дания — одна из первых в Европе стран по числу заболеваний эйджс; а Швеция — первая по числу самоубийств. Нечего сказать, *благословенные!*

Нестерпимо русским патриотам читать хвастливым тоном многократно повторяемые заверения Аллилуевой, что она свою дочь сознательно не учила по-русски, "ни одному слову"! Русские эмигранты 1-ой и 2-ой волны в массе делали всегда все возможное (и, в целом, с большим успехом), чтобы предохранить своих детей от денационализации. И сие даже в годы, когда наш язык был на Западе непопулярен и ценился мало. Насколько же, даже с чисто практической точки зрения, было не учить ему ребенка сейчас, когда это — один из главных языков земного шара! И в завершение, — ту же девочку мать пожелала увезти в Россию; чему та, понятное дело, яростно сопротивлялась... Поразительны невежество и апломб, с какими наследница Иосифа Виссарионовича трактует о православию, а там и о христианстве в целом! Например, говоря о встречах с протоиереем Г. Флоровским, она изрекает, что он де легко мог бы стать епископом. Это как же женатый и не вдовый священник смог бы занять такой пост?!

Заметим, что Светлана видимо просто не знает слов *богослов*, *богословие*, *вероисповедание*. Вместо них она раз за разом повторяет неуклюжие *теолог*, *теология* и совсем уж немыслимое *деноминация*. Не зря она жалуется на трудность перевести свою же первоначально сочиненную по-английски книгу на русский. Ибо она, очевидно, родной язык совершенно позабыла; хотя ведь приехала в Америку уже в возрасте 40 лет. Слог ее — нечто комическое и уродливое.

Например: "Этот Центр, просил меня выплатить за них сумму страхования жизни так как кто-то лишился трудоспособности на их территории и теперь судил их". Надо бы,

конечно: "судился с ними". По поводу своего решения отдать дочь в католическую школу, она пишет: "И директриса сказала мне тогда, что нет абсолютно никаких причин препятствовать этому". Чем бы сказать: "к этому нет никаких препятствий". Описывая брак женщины-пастора с мужчиной, бросившим из-за нее семью, Аллилуева выражается так: "Никто не был ни удивлен, ни отвращен". Следовало бы сказать: "Никто не почувствовал (или не выразил) ни удивления, ни отвращения". Вовсе забавна конструкция: "наблюдавший меня доктор", вместо "наблюдавший за мною доктор" (*наблюдать* можно затмение солнца или политические события).

Что уж толковать о неправильных, нелепых употреблениях иностранных имен и названий! От фамилии *Дэй* предположный падеж должен бы быть не *Дэйем*, а *Дзем*. Мы говорим: "у алжирского бей" и читаем "Измаил-бей", безо всяких *й!* Впрочем, небрежность автора (или издателя?) доходит до того, что одни и те же имена, названия и даже слова в разных местах пишутся по-разному: *Хэйвард* и *Хэйворд*; *Монхиган* и *Монгиган*; *буганвиллия* и *бугинвиллия* (то и другое неверно: цветок называется *бугенвиллия*). Вместо *Мильвоки* дается *Милуоки*; вместо *Делавар* — *Длавер*, вместо *Кентукки* — *Кентаки*. Вовсе уж смешно, до неприличия, выглядит *Филикс* (sic) вместо *Феникс*. Окончательно безграмотен следующий пассаж: "вьетнам-цев, филиппинцев и самоа"; надо бы *самоанцев*.

Аллилуева утверждает, будто занималась испанским языком. Не похоже, *Сан Хавьер* у нее превращается в *Сан Хавир*, а *Сан Луис* в *Сан Луи*. Не диво, что и итальянское "A rivederci!" получает под ее пером курьезную форму "Орривидерчи!"

Весьма пекстаты звучат у нее и разъяснения. Кому из русских надо пояснять, что Черногория есть часть Югославии? Это было, может быть, нужно для *американских* читателей. Нам бы она лучше расшифровала всякие *англо-американские* термины, щедро у нее рассыпанные.

Что до фактов, мы узнаём, что Аллилуева во многом разочаровалась в Америке. Ее безбожно надули с изданием ее книги, заставив подписать невыгодный контракт, да еще и подсунув ей неграмотную переводчицу. Ее измучили бестактная реклама и навязчивые интервьюеры. Архитектор Питерс женился на ней явно по расчету (хотя она этого так до конца и не поняла) и окончательно ее обобрал. Даже американское гражданство ей дали лишь после 11-летнего (!) ожидания...

Видимо, она рождена быть жертвой аферистов. Ведь были у нее друзья, вполне компетентные в делах, как князь Чавчавадзе, Р. Гуль, даже некоторые американцы. Но она ничего не слушала. Включая и адвоката, желавшего спасти остатки ее капитала после развода с Питерсом. Да и те деньги, что были, улетели у нее в трубу, в тщетных попытках жить согласно стандарту миллионеров.

Отталкивает враждебность бывшей "кремлевской принцессы" к русской эмиграции. Якобы кто-то из эмигрантов требовал, когда она перебежала на Запад, чтобы ее выдали. Кто и где? Она имен не называет, а мы таких высказываний не помним. Наоборот, — тогда ей все сочувствовали. Ссылается она и на ругательные анонимные письма. Дуракам, ясно, закон не писан; а ее отца многие не добром помнят.

Но когда к ней русские обращались за помощью, она всегда про это

мстительно вспоминала. Впрочем, ее неизменная реакция на просьбы о деньгах выражалась в брезгливом презрении: как это мол вульгарно! Такой ход своих мыслей она именуется *идеализмом*. Однако, что делать: для рядовых людей, даже и в СССР, отсутствие денег есть серьезная проблема. Без денег совсем может, по ту сторону Железного Завеса, жить высшая номенклатура и ее отпрыски (к числу коих, понятно, она и принадлежала, — и на самом головокружительном уровне!).

Идеализм, в данном случае, увы, скорее похож на *черствость*...

Владимир Рудинский

Языковые уродства

КАК КУР ВО ШИ

Откуда-то пошла мода, и в Советском Союзе и в Зарубежии, заменять старинную живописную поговорку "Как кур во ши" ужасно некрасивым и на слух, и на глаз образным выражением "Как кур в ошип".

Обратим однако внимание на то, как И. А. Крылов, в басне "Ворона и курица", перефразирует то же самое речение:

Попался, как ворона в суп.

В незнании или плохом понимании русского языка и мира русских пословиц Ивана Андреевича никак заподозрить нельзя; его традиционно и постоянно называют как один из высших в данной области авторитетов!

Последуем же его примеру, и не будем в нашу речь сие неприятное повествование вводить. Тем более, что слова *ошип* у нас вроде бы никогда и вообще не существовало, и оно ни в каких словарях не числится.

РОМАНИЯ

Очень неприятно раз за разом читать в "Русской Мысли" искаженное название румынской патриотической организации, борющейся с коммунистическим режимом, изображаемое как *Романия либера*.

По-румынски название страны звучит как *Ромыния*, а слово "румын" как слово *ромын*.

То, что эти термины пишутся через *а* (с диакритическим значком над буквой: таким, какой по-французски именуется *circonflexe*) дела, понятно, не меняет.

Стыдно, что в редакции парижской русскоязычной газеты, как никак большой и богатой, нет очевидно ни одного человека, имеющего хотя бы относительное представление о румынском языке!

Аркадий Рахманов

Выписывайте со склада
«Нашей Страны»

ИВАНА СОЛОНЕВИЧА
«НАРОДНУЮ
МОНАРХИЮ»

все 5 частей в одном
томе.

Цена в Аргентине — 5 ам.
долл. по курсу дня.
В других странах — 10 ам.
долл.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ

КАЛЕЙДОСКОП

Как известно, когда Никсон был вице-президентом США, он пользовался не только большим доверием, но и симпатией президента Айзенхауэра. Вплоть до того, что семьи президента и вице-президента породнились. Однако, когда Никсон стал, в свою очередь, президентом США, его мандат не был простым продолжением мандата Айзенхауэра, а отличался во многих отношениях от него. А также, мандат Буша не будет простым продолжением мандата Рейгана, а новым этапом во внутренней и внешней политике США. Конечно, этот новый этап будет именно этапом, то есть периодом или переходом, чем-то отличающимся от предыдущих периодов политики США, но, одновременно, вместе с ними образующим общий маршрут этой политики.

В то время, как Рейган отдавал предпочтение прямым контактам с Горбачевым, то есть политическим отношениям в рамках так называемой "поляризации" между двумя "сверхсилами", Буш с самого начала решил подчеркнуть неизменную тенденцию к преодолению этой "поляризации": до своих контактов с верхушкой СССР, у него будут контакты с верхушкой красного Китая. Буш уже раньше бывал в коммунистическом Китае, в истоках новой политики, начатой как раз при Никсоне под умелой рукой Киссингера.

Для того, чтобы понять сегодняшнюю политику Буша, необходимо понять тогдашнюю политику Никсона и Киссингера, так как обе политики являются частью общей политики США. Сам Киссингер описывает эту политику в своей книге "Реставрированный мир". Он описывает, как пять монархий (так называемая "пентархия", состоящая из Англии, Австрии, Франции, Пруссии и России) образовали в 1815 году своего рода "мировую директорию", основным принципом которой было равновесие между ними. Но в этой "директории" одна страна была более "важной", чем все другие: Англия, которая и заботилась о сохранении этого равновесия, поддерживая всегда самую слабую страну против временно более сильных. Киссингер берет такую структуру за образец для сегодняшнего мира. В новой "пентархии" роль Англии переходит к США, стремящимся к равновесию в планетарных масштабах между новыми пятью силами, занимающими места в новой "директории": США, СССР, Китай, Европейское Содружество и Япония.

Рейган своей политикой "космической обороны", в рамках общего перевооружения, при прямых контактах с Горбачевым, заставил СССР отказаться от претензий на "паритет" в рамках "биполярности". Теперь, Буш должен найти переход от "биполярности" к более широкому равновесию в рамках "пентархии". Его поездка в Китай должна будет всем напомнить, что на мировом сценарии намечается игра при участии не только двух артистов. Экономически, "пентархия" (или, по крайней мере, "тетрархия", без Китая) уже существует. На очереди политическое усиление экономических действительностей. В рамках таких перспектив, должны как-то ступенчатываться и периферийные конфликты, происходившие до сих пор в магнитных полях двух сверхсил. На смену биполярности приходит более сложная плюралистическая игра. Куба, Никарагуа, Ангола, Афганистан и Ближний Восток не смогут больше быть в этой новой игре статистами лишь для одного из двух главных артистов. Впредь им придется разучивать более сложные роли. Первым это понял Арафат.

П. Н.

Среди книг

ТАИНСТВЕННОЕ НАЗВАНИЕ

В рассказе современника Пушкина, князя В. Ф. Одоевского "4338-й год", мы встречаем следующий, во многих отношениях пророческий пассаж:

"В небольшом кружку с жаром говорили о недавно вышедшей книжке; эта книжка имела предметом объяснить весьма спорную и любопытную задачу, а именно о древнем названии Петербурга. Исторические свидетельства убеждают, что этот город был основан тем великим государем, которого оно носит имя. Об этом никто не спорит; но открытия некоторых древних рукописей привели к мысли, что, по неизъяснимым причинам, сей знаменитый город в продолжение тысячелетия несколько раз переменил свое название. Эти открытия привели в волнение всех здешних археологов; один из них доказывает, что древнейшее название Петербурга было Петрополь, и приводит в доказательство стих древнего поэта:

Петрополь с башнями дремал...

Ему возражали, и не без основания, что в этом стихе должна быть опечатка. Другой утверждает, также основываясь на древних свидетельствах, что древнейшее название Петербурга было Петроград... Молодой археолог опровергает их всех без исключения. Перерывая полуистлевшие слои древних книг, он нашел связку рукописей, которых некоторые листы больше других были поцарапаны временем. Несколько уцелевших строк подали ему повод написать целую книгу комментариев, в которых он доказывает, что древнее название Петербурга было Питер. Сей драгоценный памятник древности писал на той ткани, которую называли бумагой и которой тайна приготовления ныне потеряна; впрочем, жалеть нечего, ибо ее непрочность причиною тому, что для нас исчезли совершенно все письменные памятники древности. Я списал для тебя эти несколько строк, приведших в движение всех ученых; вот они:

"Пишу к вам, почтеннейший, из Питера, а на днях отправляюсь в Кронштадт, где мне предлагают место помощника столоначальника... с жалованием по пятисот рублей в год..." Остальное истребилось временем".

КЛАССОВАЯ МОРАЛЬ

В любопытной книге Ю. Дружников "Вознесение Павлика Морозова" (Лондон, 1988), читаем:

"Заместитель наркома просвещения, вдова Ленина Надежда Крупская, требовала "получить определенный тип человека". Нарком просвещения Анатолий Луначарский с трибуны Всероссийского Съезда Педагогов так разъяснял сущность задач большевицкого воспитания: «Поскольку государство является военной диктатурой, в нем нельзя проводить гуманитарных начал, тех начал, которые являются основой новой веры. Практиковать сейчас добро и

человечность — предательство, пужно сначала с корнем вырвать врагов". Пропаганда ненависти, направленной на классовых врагов, на родственников и соседей, и обучение бдительности, то есть постоянной подозрительности ко всем людям, включая отца и мать, стали фундаментом этой новой системы воспитания.

Молодой лидер комсомола Александр Косарев говорил с трибуны: "У нас нет общечеловеческой морали. Мораль — классовая. Наша мораль — это та, что взрывает капитализм, уничтожает его остатки, укрепляет диктатуру пролетариата, двигает вперед строительство социализма". Создавалась кастовая мораль взамен отмененной общечеловеческой. Этой новой моралью отменялись стыд, совесть, жалость, сострадание, великодушные, доброжелательность, соперничество, терпимость — то есть отменки, которые и составляют особенность человека, отличие его от зверя. Но зверь никогда не предаст, не допустит. Что же это тогда — новый человек?"

Выпишем из той же книги следующую остроумную фразу: «В стране объявляется гласность, но в КГБ это слово понимается как глазность».

И одобрим вполне предлагаемый автором ко введению неологизм: "В отличие от национального геноцида, осуществлявшегося в фашистской Германии, мы назвали бы уничтожение враждебных классов в Советском Союзе *социоцидом*".

ПРИПОДНЯТАЯ ЗАВЕСА

Нина Берберова сильно испортила свою книгу «Люди и ложи», изданную в Нью Йорке в 1986 году, озлобленными диатрибами, — частью притянутыми за уши, и буквально пи к селу, ни к городу, — по адресу царя с царицей, монархии, всех правых в эмиграции, власовцев и всех вообще, кого она не любит.

Книга представляет собою, однако, некоторую ценность, приоткрывая кое-какие масонские тайны (она содержит, в частности, список русских масонов XX века и описание их деятельности в России и в Париже).

Взгляд Берберовой на масонство — весьма благожелательный; а обо всех его противниках она говорит с экзальтированной ненавистью. И тем не менее, — печальный получается для Братства Вольных Каменьщиков баланс!

Мы узнаем, что это они сделали февральскую революцию, и ими, почти сплошь, было укомплектовано Временное Правительство, — а не откуда ли пошли все муки и несчастья нашей отчизны?

Максимальной власти масонство достигло в период *entre deux guerres*. И что же мы имеем для того времени? Промышленный кризис, градиозная забастовка в Англии, разгар террора в России, приход к власти национал-социалистов Германии. Остается неясным, входило ли

все это в планы руководителей масонства, или произошло помимо их расчетов; но ответственности с них не может снять никто.

Заметим и другое: ведущие русские масоны, как В. Маклаков и Е. Кускова (что уж говорить об И. Кривошеине!) горячо стояли за выдачу большевикам остоуцев, бойцов РОА и всех новых эмигрантов, в эпоху после разгрома Германии. И именно из масонов состояла делегация, явившаяся к советскому послу Богомолу в Париже с приветствиями и выражениями преданности якобы от имени эмиграции в целом (на что они не имели никакого права).

Что обо всем этом сказать? Или же данная организация ставит себе не очень хорошие цели... или ее члены изумительно непрозорливы! А сие последнее предположение вроде бы плохо мирится с обычным представлением о характере франк-масонства!

СБЫВАЮЩЕЕСЯ ПРОРОЧЕСТВО

В романе В. Крыжановской "Эликсир жизни" (самом талантиливом из ее многочисленных произведений) мы наталкиваемся на следующее размышление одного из героев:

"Настанет час, когда возмущенная природа жестоко отомстит преступному человечеству. Истощенная земля откажет ему в своих плодах, реки обезрыбуют и уничтоженные и пусты лесы не дадут ни тени, ни свежести. Охлажденный воздух будет лишен теплоты и кислорода. Возмущенные стихии приведут в ужас весь мир неслыханными катаклизмами. Бури, землетрясения и град невиданной величины уничтожат поля и деревья. Вода или выступит из берегов или высохнет. Земля превратится в ледяную пустыню — и, в заключение, воспламенится газы".

С минимальными оговорками, это — как раз то, что происходит сейчас в России, в результате длительного правления большевиков! Возьмем экологические описания, — и в них, разве что слегка иным языком, да та же самая картина. Впрочем, нечто сходное, хотя и в гораздо меньших размерах, творится и на Западе, да и вообще во всем мире.

Нельзя не согласиться и с дальнейшим рассуждением писательницы: "Настоящее человечество, это — палач будущих поколений, которые проклянут его за адское оставленное им наследство". Правильны и следующие слова: "Ненасытное тщеславие правительств, давящих налогами народ ради вооружения, превратило весь мир в военный лагерь и держит вселенную под вечной угрозой".

Если мы взвесим, что все это сказано еще до Первой Мировой войны, — надо признать печальную проницательность сочинительницы! Ее жуткие прозрения осуществляются на практике с неожиданным точностью.

Савва Юрченко

Н. Ч.

РУСОФОБИЯ

Так называется книга написанная И. Р. Шафаревичем в 1987 году и недавно вышедшая из печати в издании Русского Национального Объединения в Мюнхене по рукописи присланной с родной земли.

Книга взывает к справедливости, показывая как безответственные публицисты западного мира травили и травят Россию и все русское. Этот «привычный вывих» публицистики западного мира известен еще с тех пор, как Джэк Лондон был откомандирован на Дальний Восток, и оттуда своими корреспонденциями издевался над Россией в дни Русско-Японской войны. Сейчас И. Р. Шафаревич собрал большую коллекцию выступлений «знатоков России, советологов и вершителей русского вопроса», вроде консультанта североамериканского президента м-ра Пайпса, который держится мнения, что вообще России нечего делать на карте мира.

Однако цель книги не только в том, чтобы сделать выставку этой коллекции, но в том, чтобы призвать тех, у кого есть голова на плечах и сердце в груди, пересмотреть эту загнившую точку зрения.

И. Р. Шафаревич известен как автор книги «Социализм, как явление мировой истории». Математик, имеющий крупные заслуги перед наукой, не в первый раз он выступает, возвышая свой голос за правду. Здесь он выявляет полную несостоятельность бредовых идей всех этих клеветников России.

Приведем оглавление книги: 1) Цель работы. 2) Взгляд на русскую историю. 3) Планы для России. 4) Малый народ. 5) Современный вариант «малого народа». 6) Национальный аспект. 7) Большой вопрос. 8) Еврейское влияние и «революционный век». 9) Прошлое и настоящее. 10) Заключение, библиографические примечания и приложения.

Книга дает особо богатую информацию всякому, кто интересуется тем, как современный русский человек в советских условиях способен воспринять современность. Пункты 5-ый и 6-ой внедряются в область философии истории. Здесь открывается дверь полемике, решающей вопрос об основных «ценностях» революционной мысли всемирной демократии.

С заказами обращаться по адресу: Russischer Nationaler Verein e. V., Theresienstrasse 118-120, 8000 Muenchen 2, West Germany.

Цена, в Европе — 25.- нем. марок, в заокеанских странах 18.- ам. долларов.

ПРОДАЮ:

П. Н. Краснов

"От двуглавого орла к красному знамени"

на английском языке

в четырех томах — издание 1923 г.

Новая цена: 100 ам. долл. за все 4 тома, включая пересылку заказной почтой.

Обращаться в редакцию.

ОБЪЯВЛЕНИЯ В «НАШЕЙ СТРАНЕ»

Тексты объявлений должны быть в распоряжении редакции, за 10 дней до числа выхода того номера, в котором должно выйти объявление, то есть до среды предыдущей недели. В противном случае объявление пойдет в следующий номер.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основанная 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует Ред. коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires. Телефон: 544-0530. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на источник обязательна.

Цены за 1 экземпляр: Австралия — 0.80 ам. долл.; Германия — 1.80 н. м.; Франция — 5 фр.; Италия — 1100 лир; США — 0.80 ам. долл.; Аргентина — 6.00 анстр. В остальных странах — 0.80 ам. долл. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку — стоимость 4 экземпляров газеты. Чехи: Miguel Kireeff, for deposit only. Банковские переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Fundado 18.9.1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Bs. As.

Correo Argentino
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces. No. 4233

Interes General. Conces. No. 3980